

*ДЕВНИНА Галина Сергеевна, аспирант кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского**

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО МИФА ВО ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСАХ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Внутренний политический кризис страны является показателем состояния сфер государственной жизни – социально-экономической, идеологической, культурной – и ярко иллюстрирует возможности и механизмы государственного реагирования и регулирования. В настоящее время последними тенденциями политической жизни евразийских государств в кризисные моменты стали манипулирование общественным мнением и формирование в социуме конкретного восприятия политических и экономических событий, в т. ч. формирование протестных и революционных настроений, приводящих к радикальным явлениям – вплоть до смены политической элиты и политического режима. Одну из ключевых ролей в коллективном социальном восприятии действительности и манипулировании общественным мнением играют социальные мифы, выступающие не только продуктом социальной памяти и общественного мышления, но и эффективным механизмом идеологического воздействия. В статье на примере основных политических кризисов новейшей истории России (с 1990 года по настоящее время) анализируется значение социального мифотворчества в периоды зарождения, формирования и кульминации разрешения политических кризисов. Автор рассматривает исторические события через проецирование их на современную действительность, использует данные социологических опросов, проводит сравнительный анализ нескольких политических кризисов, произошедших на одной территории. Целью настоящего исследования является определение статуса социального мифа в политической жизни государства и общества. Признание факта существования социального мифотворчества в политической жизни, влияние социального мифа на социализацию и политизацию индивида и четкое определение роли социального мифа позволяют говорить о социальном мифотворчестве как об отдельном направлении государственного регулирования, переводя его из сферы «городских легенд» в сферу культурной жизни общества.

Ключевые слова: *новейшая история России, политический кризис, социальный миф, социальное мифотворчество, социальная мифологизация, мифологема.*

*Адрес: 410033, г. Саратов, ул. 6-я Дачная, Левая сторона, д. 6Б; e-mail: devnina@mail.ru

Для цитирования: Девнина Г.С. Роль социального мифа во внутригосударственных политических кризисах России: социально-философский анализ // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 4. С. 61–69. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.61

Миф, по сути, является одной из самых древних форм общественно-политического мышления и, на наш взгляд, одной из самых востребованных в современности, потому как сегодня причисление себя к национальным, социальным, групповым мифологическим комплексам объединяет людей с разными экономическими возможностями, образованием и жизненным опытом. Социально-политическое мировоззрение общества в целом и индивида в частности формируется из комплекса социальных мифов. И дело не в «дремучести» общества, опирающегося на мифологическое миропредставление, а в человеческой культуре, для которой характерно все упрощать, и в ритме жизни, который не оставляет времени на детальное изучение вопросов. Здесь немаловажен факт (на него делает ссылку К. Юнг), что сознание масс содержит в себе элементы как сознательного, так и бессознательного и что именно архетипы в коллективном бессознательном актуализируют мифологические образы в сознании [1, 2]. Иными словами, массовое сознание по своей природе предрасположено к вере в миф.

Например, вместо того чтобы детально изучить программы политических партий и найти различия между программными доводами либерал-демократов и коммунистов, куда проще свести характеристику партии к краткой мифологеме, усвоить ее и, опираясь на данные тезисы, выбрать политический ориентир. Такой принцип свойственен большинству проявлений политической культуры, поэтому можно говорить о восприятии обществом политической системы как комплекса социально-политических мифов.

Неудивительно, что конструирование мифов – мифотворчество – становится одним из инструментов государственного управления обществом, практически столь же эффективным, как экономические рычаги. Логично, что каждый политический режим старается как можно быстрее создать ряд социальных мифов, описывающих и объясняющих его функционирование, а смена политических режимов характеризуется сменой мифологем. При этом

каждое критическое явление в политической жизни общества сопровождается новым этапом активного мифотворчества, направленным как на эскалацию ситуации, так и на ее разрешение. То есть можно предположить, что социальный миф – не продукт мыслительной деятельности общества, а средство, инструмент познания действительности, призма, через которую воспринимается общественно-политическая жизнь.

С. Кара-Мурза описывает принцип действия мифа в общественном сознании следующим образом: «Введенный в сознание людей и глубоко там укрепившийся, миф способен длительное время (при наличии определенных предпосылок) подменять собой реальность. В результате реципиент воспринимает ее в соответствии с трактовкой мифа и действует, исходя из этого восприятия. Миф <...> снимает с реципиента необходимость напряженно думать и осмысливать мир вокруг себя. Человеку уже не нужно познавать мир – он берет готовую заготовку, миф и о мире» [3, с. 196]. Опираясь на приведенное высказывание, мы можем говорить о частичном совпадении функций классического мифа и социального мифа: объяснение непознанного, выработка дальнейшего поведения.

Однако классический миф возникает стихийно, в то время как социальный, по мнению П. Гуревича, может изучаться в качестве специфического феномена идеологической практики капиталистического общества, особого вида духовной деятельности по созданию, распространению и поддержанию политических иллюзий, умышленно вырабатываемых правящей элитой для воздействия на массы [4, с. 175].

В целом социальное мифотворчество как процесс и социальный миф как социально-политическое явление давно выступают объектами исследования социологов, политологов и философов. Однако трансформация общества придает данной проблеме новый импульс: исследователи рассматривают социальный миф в контексте сетевой общественной структуры, анализируют его как фактор общества риска, как инструмент перехода от информационного

общества к обществу информационному и т. д. По-новому социальный миф начинает функционировать и в области прикладной социологии и политологии: он увеличивает разрыв с классическим мифом, приобретая ярко выраженную искусственную структуру.

Использование в истории нашего государства социального мифа в качестве политической технологии в идеологической сфере особенно ярко проявляется в период политических кризисов. При анализе наиболее крупных политических кризисов, произошедших в Российской Федерации, мы обнаруживаем, что метод целенаправленной социальной мифологизации совершенствуется. При этом следует отметить, что мифотворчество, как считал П. Гуревич, перестает быть функцией исключительно государственной правящей элиты. Социальный миф становится универсальным рациональным образованием, задействуемым для достижения конкретной цели. И универсальность данного образования заключается именно в том, что оно может быть использовано любой социальной группой, имеющей на это необходимое количество ресурсов.

Вышесказанное подтверждается примерами смены политических режимов, происходившей в России в XX веке. В данной статье мы проанализируем внутригосударственные политические кризисы России, разразившиеся в XX и начале XXI века, через призму социального мифотворчества, в каждом конкретном случае рассматривая социальный миф и как идеологический инструмент, и как продукт формируемого общественного мнения. Такой синтез подходов к изучению мифов не является классическим, но он позволит продемонстрировать динамичную структуру социального мифа и его общественную роль.

В течение всего советского периода в обществе существовал и активно пропагандировался социальный миф об исключительности партийного руководства, отсутствии политической альтернативы на фоне «упадка» буржуазных систем управления и неминуемого приближения коммунизма. Стоит, однако, оговориться:

данная мифологема подтверждалась огромным количеством научных изысканий на тему коммунизма, а также тем, что коммунистическая партия в качестве главного звена государственной системы реально руководила крупнейшими хозяйственными внутри- и внешнеполитическими мероприятиями. Хорошо или плохо руководила – другой вопрос, свойственный сознанию поздних аналитиков-наблюдателей, а не массовому сознанию современников.

Период перестройки характеризуется появлением новых социальных мифов (о демократическом светлом будущем, построении рыночной экономики методом «шоковой терапии», многопартийности как инструменте выражения общественных интересов) и целенаправленным разрушением ранее бытовавших. Именно разрушение социальных мифов стало одним из ключевых направлений новой российской идеологии. Созданная И.В. Сталиным тоталитарная система развалилась, но традиции были сильны; как следствие, общественное самосознание не могло стремительно перестроиться, свобода мысли и слова была настолько чужда российским гражданам, что многих из них отталкивала. Принцип «Берите свободы столько, сколько сможете унести» начал ассоциироваться со вседозволенностью.

Понимая, что социальный миф – это прежде всего выражение интересов, а в условиях политической и экономической вакханалии конкретные интересы сформировать очень трудно, государство широко практиковало подмену понятий в социальных мифах. То есть мифологема оставалась той же, но кардинально менялся ее смысл. Если в советский период «раем на земле» представлялся коммунизм, то в эпоху построения российской государственности это понятие ассоциировалось с демократическим государством, в котором регионы имеют полное право на самоопределение – вплоть до объявления независимости. Сохранилась и обрядовость социальных мифов советского периода: всенародные выборы и многочисленные митинги, подтверждавшие ранее исключительную близость власти Советов к народу, стали

обязательным атрибутом новой демократии [5]. В последующем эта обрядовость отрицательно сказалась на динамике политического процесса в современной России, о чем свидетельствовали общая низкая активность электората и систематические попытки самых разных политических сил утвердить в обществе сомнение в целесообразности и юридической справедливости избирательной процедуры.

Современная российская мифология государственного строительства имеет источником не столько определенную обрядовость, сколько отрицание таковой на уровне массового сознания. Есть такой общественный стереотип: «Зачем ходить на выборы, если мой голос ничего не решит?» [6] Наиболее же значимым источником мифологических общественных представлений на современном этапе оказываются политические традиции (например, отчужденность «народа» от «власти») и информационные кампании в СМИ.

Еще одной характерной чертой политического кризиса 1990-х годов стала «ремифологизация» обществом самого себя. Через СМИ, посредством информационных кампаний, реформы образования и перестройки медиапространства был возрожден миф об исключительности пути российского народа, глобальной значимости государства, ассоциации Москвы с «третьим Римом». Это еще раз доказывает тезис о том, что идеология новой России остро нуждалась в новой социальной мифологии, но не имела ресурсов для ее создания. Поэтому все силы аппарата госуправления были брошены на изменение имеющейся идеологии.

До середины 1990-х годов общественное самосознание находилось в угнетенном состоянии: слом традиций, смена политических режимов, экономические «бури», стремительное обнищание населения – все это причины того, что действительность не оправдала надежд россиян, идея перестройки исчерпала себя, не принесла желаемого результата [7]. Один из лозунгов президентской избирательной кампании 1996 года звучал так: «Голосуй сердцем», т. е. ставка была сделана на эмоции, а не на разум

и логику. Очередной общественно-политический кризис не заставил себя долго ждать: начавшись с экономических проблем 1998 года, к 2000 году он продемонстрировал недоверие общества к власти и неспособность власти управлять обществом. Социально-политическая мифология изжила себя – требовалась новая мифологизация.

Социально-экономический упадок был тесно связан с духовным кризисом, и в начале нового тысячелетия общество достигло эпицентра духовного кризиса. Конечно, говорить об экономических неудачах государства как о единственной причине духовного упадка общества несправедливо, при этом невозможно перечислить причины данного упадка. По мнению М. Орлова и А. Алебастровой, «сознанию очень сложно “зацепиться” за действительный смысл происходящего – невинные жертвы, кровь, страдания в результате терактов, природные катастрофы, сопровождающиеся массовой гибелью людей, государственные перевороты, провоцирующие гражданские войны», принимались мировым (и российским) сообществом «как данность» [8, с. 26].

С приходом к власти В.В. Путина началась целенаправленная работа по созданию необходимых стереотипов, установок в обществе и внедрению в массовое сознание новых социальных мифов. Правильно оценив потребность масс в сильном лидере, администрация президента (именно она отвечает за идеологию государства) во время выборов 2000 года стала выстраивать в СМИ на основе ряда архетипов образ будущего президента как «современного, серьезного, мужественного, в меру жесткого патриота», «лидера-защитника», «лидера-борца», «лидера-героя», руководителя, способного предотвратить попытки госпереворотов и насилия, а также жестоко карающего за совершенные против «его» народа преступления [9, с. 232]. Подчеркнем, что работа была направлена не на индивида, а на массу, ведь, как отмечает Е. Павлова, «сознание масс иррационально и мифологично по своей природе, а потому и управление ими опирается на знание

структуры мифов и лежащих в их основе архетипов; символика мифа наиболее ярко отражает бессознательные стремления, потребности и импульс масс» [10, с. 61].

Данная тактика принесла свои плоды: чувство превосходства коллективизма над индивидуализмом, так бережно взращиваемое в наших соотечественниках в советские годы, вернулось. В массовом сознании закрепился принцип «Хорошо для страны – хорошо для меня», сформировавший новую социальную мифологию, которая объясняла существующие трудности происками внутренних и внешних врагов, результатом олигархизации страны, чиновничьего беспредела и чрезмерной свободы. Глобальный социальный миф о новом «собрании земель», на деле выраженный укреплением вертикали власти в регионах, породил множество локальных социальных мифов и городских легенд о потерявших контроль мэрах и губернаторах, о продолжающемся захвате собственности олигархами, об активном спонсировании странами Запада внутреннего развала страны на местах и т. п. На фоне жестких действий руководства страны в сфере внутренней и внешней политики образ сильного лидера, наводящего порядок, задал необходимый уровень легитимности шагов по кардинальному реформированию государства [11].

При этом «атмосфера мифа» сформировалась не только вокруг лидера страны, но и его близких соратников. Так, руководитель МЧС С.К. Шойгу воспринимался населением как человек, способный противостоять природным катаклизмам, всегда присутствующий «в самом пекле» и т. д. Данный миф настолько прочно закрепился в сознании населения, что, когда государственному аппарату потребовался новый руководитель Министерства обороны для противодействия неведомому, но свирепому и безжалостному врагу, а также для наведения железной рукой порядка в ведомстве, кандидатура Сергея Кужугетовича подошла идеально [12].

Следующий этап социального мифотворчества в условиях политического кризиса приходится на 2011–2013 годы. Этот период в России отмечен массовыми народными волнениями,

вызванными подозрением в фальсификации выборов в Государственную думу в 2011 году и продолжавшимися в период президентской кампании в 2012 году.

Волна «цветных революций», прошедших в нескольких странах мира, показала внесистемной оппозиции, что, во-первых, государственная монополия на применение силы не является ключом к победе в противоборстве, т. к. не всегда может быть использована даже в качестве угрозы. А во-вторых, социальное мифотворчество может исходить не только от главенствующей идеологии, но и от любой другой, имеющей достаточные для распространения мифа платформу и ресурсы, и если их, как указывал Г. Шиллер, «незаметно внедрить в сознание масс <...> мифы обретают огромную силу, ибо большинство людей не подозревают о происходящей манипуляции» [13]. Таким образом, оппозиционные силы, взяв на вооружение тактику действующей власти и используя достаточно обширную ресурсную базу, смогли сформировать несколько устойчивых социальных мифов, руководствуясь которыми, на протестные акции вышли тысячи людей.

«Осью» такого мифотворчества стало укрепление вертикали власти и зависимости периферии от центра. Миф об установившемся в России авторитаризме, окончательном сломе демократических традиций послужил социальным базисом для популяризации лозунгов «За честные выборы!», «Верните России выбор» и т. п. Причем на выборах в Государственную думу собственно институтом демократии – процедурой голосования – воспользовались лишь 60 % избирателей.

Формируемый в сознании общества образ всемогущих спецслужб, выходцы из которых заняли ключевые посты в системе управления государством, и неясный объем полномочий данных ведомств позволяли распространяться социальному мифу о тотальном контроле за каждым гражданином и обществом в целом. Этот миф, уходя корнями в советское прошлое, вызывал в социальной памяти ассоциацию с репрессиями 1930-х годов. Обращение к исторической памяти общества как «важнейшей

составляющей самоидентификации индивида» в части советского прошлого активно использовалось оппозицией в социальном мифотворчестве как в период кризиса, так и в последующие годы «для конституирования и интеграции социальных групп в настоящем» [14, с. 8–11]. Лишь в 2008 году В.В. Путин лишил оппозицию возможности построения социальных мифов на противопоставлении и сравнении себя с советскими руководителями, заявив о распаде СССР как трагедии для миллионов. Сказав, что «те, кто не жалеют о крушении Советского Союза, у того нет сердца, а кто жалеют – у того нет головы», В.В. Путин вызвал симпатии как сторонников советского режима, так и его противников [15].

Наконец, разрозненность общества и невозможность индивида осознать себя частью некой социальной группы, пусть угнетаемой и терпящей бедствия, но борющейся за «светлое будущее», позволили стремительно распространиться движению «белоленточников»¹. Белая лента как знак несогласия с действующей системой управления стала ярким свидетельством острой нехватки в социуме общедоступного и простого символа.

Доказательством продолжительной и трудоемкой (а вовсе не стихийной, как преподносили некоторые СМИ) подготовки политического кризиса со стороны оппозиции, в т. ч. активного мифотворчества, послужило то, что уже за месяц до проведения выборов в Государственную думу представители оппозиционных политических сил анонсировали предстоящие волнения, называя даты их начала².

Необходимо также отметить, что «благоприятной почвой» для народных волнений стали, на наш взгляд, слишком самонадеянные действия администрации президента, позволившей распространиться указанным социальным мифам, и неясное для широких масс определение политического режима как «суверенной демократии»,

вокруг которой было сформировано негативное общественное мнение.

Разрешение политического кризиса происходило в основном с применением силового ресурса. Однако дальнейшие действия аппарата управления были направлены на развитие идеологического компонента, и в частности одной из главных, по мнению Р. Барта, его составляющих – социального мифотворчества [16, с. 31]. Возвращение В.В. Путина к образу сильного лидера нации, его показательное дистанцирование от политических сил, негативно воспринимаемых обществом, индивидуальная, с явной долей либерализма, работа с каждым регионом РФ – все это использовалось с целью снизить социальную напряженность, разрушить сформированные оппозицией стереотипы [17].

Показанные в ходе кризиса желание и готовность индивидов быть частью социальной группы, участвующей в общественно-политической жизни государства, а главное – имеющей на это возможность, послужили одной из причин создания общероссийского движения «Народный фронт “За Россию”», целями которого стали общественный контроль за многими сторонами жизни государства и объединение под своими знаменами лидеров мнений. Одновременно с этим был усилен и ужесточен контроль за некоммерческим сектором, в частности получило широкое распространение понятие «иностранный агент». Эта административная мера была направлена на лишение возможности зарубежного финансирования деятельности групп и отдельных граждан по формированию в обществе новых представлений, стереотипов, социальных мифов, направленных на противодействие государственной политике.

Указанная деятельность оказалась результативной. В 2016 году выборы депутатов в Государственную думу, заявленные как «чистые и прозрачные», причиной новых народных волнений и очередного политического кризиса

¹Белая лента. URL: http://ruxpert.ru/Белая_лента (дата обращения: 25.01.2017).

²Стешин Д. Уши «Белой ленты» торчат из Америки? URL: <http://www.saratov.kp.ru/daily/25801.4/2782350/> (дата обращения: 25.01.2017).

не стали, хотя и вызвали большое негодование в СМИ. Тем не менее в ближайшем будущем Россию ждут и другие значимые политические события, могущие повлечь нарастание напряженности в обществе и, как следствие, – проявление (развитие) кризисных процессов. Поэтому принципиально важными для формирования общественной устойчивости становятся изучение ошибок и уроков прошлого, научное познание происходящих в обществе явлений и формирование на основе такого познания практических рекомендаций.

Таким образом, социальная мифологизация играет разные роли в политических кризисах Российского государства. Сконструированный в соответствии с историческим моментом социальный миф может, с одной стороны, служить эскалации конфликта и выступать инструментом его развития, а с другой – приводить к локализации/разрешению конфликтной ситуации либо стать ее продуктом (итогом).

Будучи сугубо рациональным образованием, направленным воздействием и неотъемлемой частью идеологической системы, социальный миф оказывается характерным признаком российского политического кризиса.

Говоря о социальном мифе как о кризисной составляющей, мы подразумеваем некую легенду, которая формируется искусственно или складывается стихийно под влиянием внешних обстоятельств. При этом данная легенда может продолжить свое существование и преобразование даже тогда, когда кризис, ее породивший, сотрется из социальной памяти населения. То есть социальный миф может существовать отдельно от политического кризиса и быть никак с ним не связанным – в отличие от политического кризиса, всегда имеющего не менее одного социального мифа в своей структуре. Социальная мифологизация общества и индивида – это не рудимент или атавизм, а неотъемлемая часть современной массовой культуры, в т. ч. общественно-политической.

Список литературы

1. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. 304 с.
2. Юнг К.Г. Человек и его символы. М., 1997. 367 с.
3. Кара-Мурза С., Смирнов С. Манипуляция сознанием-2. М., 2009. 528 с.
4. Гуревич П.С. Социальная мифология. М., 1983. 175 с.
5. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. Т. 3. Феноменология познания. М.; СПб., 2002. 398 с.
6. Сабитов М.Р. Политический протест: теоретические проблемы. Дефиниции и типология // Современ. исслед. соц. проблем. 2012. № 9(17). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/sabitov.pdf> (дата обращения: 19.07.2017).
7. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture: In 3 Vols. Vol. 3. End of Millennium. Malden; Oxford, 2000. 325 p.
8. Орлов М.О., Алебастрова А.А. От понимания к интересубъективности: опыт социально-философской рефлексии // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 25–32.
9. Гаврилов А.А. Средства массовой информации и современные мифы: к вопросу об основании социально-политического мифотворчества // Молодой ученый. 2012. № 11. С. 230–233.
10. Павлова Е.Д. Скрытое воздействие средств массовой информации на массовое сознание как социально-философская проблема: дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 154 с.
11. Гуревич П.С. Механика политической мифологии // Психология и психотехника. 2013. № 7(58). С. 621–626.
12. Завершинский К.Ф. Политический миф в структуре современной символической политики // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 6: Политология. Междунар. отношения. 2015. Вып. 2. С. 16–25.
13. Баукин А.В. Манипулирование сознанием: опыт социально-философского анализа: дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. 119 с.

14. Репина Л.П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М., 2012. С. 3–37.
15. Каирова И.А. Социальное мифотворчество в современном российском медиапространстве: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2012. 27 с.
16. Чубукова Е.И. Мифологическая концепция коммуникации Р. Барта // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре: сб. в честь 90-летия проф. М.И. Шахновича. СПб., 2001. Вып. 8. С. 29–35.
17. Старостин В.П. Современные социальные мифы (о проблемах изучения) // Фундам. исслед. 2014. № 11-4. С. 947–950.

References

1. Jung C.G. *Arkhetip i simvol* [Archetype and Symbol]. Moscow, 1991. 304 p.
2. Jung C.G. *Chelovek i ego simvol'y* [Man and His Symbols]. Moscow, 1997. 367 p.
3. Kara-Murza S., Smirnov S. *Manipulyatsiya soznaniem-2* [Mind Control-2]. Moscow, 2009. 528 p.
4. Gurevich P.S. *Sotsial'naya mifologiya* [Social Mythology]. Moscow, 1983. 175 p.
5. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form: v 3 t. T. 3. Fenomenologiya poznaniya* [Philosophy of Symbolic Forms: In 3 Vols. Vol. 3. Phenomenology of Knowledge]. Moscow, St. Petersburg, 2002. 398 p.
6. Sabitov M.R. Politicheskiy protest: teoreticheskie problemy. Definitсии i tipologiya [Political Protest: Theoretical Problems. Definitions and Typology]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 2012, no. 9. Available at: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/sabitov.pdf> (accessed 19 July 2017).
7. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture: In 3 Vols. Vol. 3. End of Millennium*. Malden, Oxford, 2000. 325 p.
8. Orlov M.O., Alebastrova A.A. Ot ponimaniya k intersub'ektivnosti: opyt sotsial'no-filosofskoy refleksii [From Understanding to Intersubjectivity: Experience of the Social and Philosophical Reflection]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 2014, no. 3, pp. 25–32.
9. Gavrilov A.A. Sredstva massovoy informatsii i sovremennye mify: k voprosu ob osnovanii sotsial'no-politicheskogo mifotvorchestva [Mass Media and Modern Myths: On the Reasons of Socio-Political Myth-Making]. *Molodoy uchenyy*, 2012, no. 11, pp. 230–233.
10. Pavlova E.D. *Skrytoe vozdeystvie sredstv massovoy informatsii na massovoe soznanie kak sotsial'no-filosofskaya problema*: dis. ... kand. filol. nauk [The Hidden Influence of Mass Media on Mass Consciousness as a Social and Philosophical Problem: Cand. Philos. Sci. Diss.]. Moscow, 2004. 154 p.
11. Gurevich P.S. Mekhanika politicheskoy mifologii [Mechanics of Political Mythology]. *Psikhologiya i psikhotehnika*, 2013, no. 7, pp. 621–626.
12. Zavershinskiy K.F. Politicheskiy mif v strukture sovremennoy simvolicheskoy politiki [Political Myth in the Structure of Modern Symbolic Politics]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6: Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 2, pp. 16–25.
13. Baukin A.V. *Manipulirovanie soznaniem: opyt sotsial'no-filosofskogo analiza*: dis. ... kand. filol. nauk [Mind Control: Experience of Socio-Philosophical Analysis: Cand. Philos. Sci. Diss.]. Moscow, 2007. 119 p.
14. Repina L.P. Opyt sotsial'nykh krizisov v istoricheskoy pamyati [Experience of Social Crises in Historical Memory]. *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoy pamyati* [Crises of Turning Epochs in Historical Memory]. Moscow, 2012, pp. 3–37.
15. Kairova I.A. *Sotsial'noe mifotvorchestvo v sovremennom rossiyskom mediaprostranstve*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Social Myth-Making in Contemporary Russian Media Space: Cand. Philos. Sci. Diss. Abs.]. Rostov-on-Don, 2012. 27 p.
16. Chubukova E.I. Mifologicheskaya kontseptsiya kommunikatsii R. Barta [R. Barthes' Mythological Concept of Communication]. *Smysly mifa: mifologiya v istorii i kul'ture* [The Meaning of Myth: Mythology in History and Culture]. St. Petersburg, 2001. Iss. 8, pp. 29–35.
17. Starostin V.P. Sovremennye sotsial'nye mify (o problemakh izucheniya) [Modern Social Myths (About Studying Problems)]. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2014, no. 11-4, pp. 947–950.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.61

Galina S. Devnina

Saratov State University;
ul. 6-ya Dachnaya, Levaya storona 6B, Saratov, 410033, Russian Federation;
e-mail: devnina@mail.ru

ROLE OF SOCIAL MYTH IN RUSSIA'S INTERNAL POLITICAL CRISES: A SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

A country's internal political crisis reflects the situation in the public life – socioeconomic, ideological, and cultural – and vividly illustrates the possibilities and mechanisms of state response and regulation. Today, one of the latest trends in the political life of Eurasian countries in times of crisis is the manipulation of public opinion and the formation in the society of a particular perception of political and economic events, including the formation of protest and revolutionary sentiments leading to radical developments up to the change of political elite and political regime. One of the key roles in public perception of reality and shaping of public opinion is played by social myths, which are not only a product of social memory and social thinking, but also an effective mechanism of ideological influence. Taking major political crises of modern Russian history (1990 – present day) as an example, the article studies the role of social myth-making during the emergence, development and resolution of political crises. The author considered historical events by projecting them onto the present-day life, used available data from sociological surveys and performed a comparative analysis of several political crises that had occurred within the same area. The purpose of this study was to determine the status of social myth in the political life of state and society. Recognizing the existence of social myth in political life and its influence on socialization and politicization of a person, as well as clearly defining the role of social myth, we can speak of social myth-making as a separate line of state regulation, thus transferring it from the sphere of urban legends to the cultural scene of society.

Keywords: *contemporary history of Russia, political crisis, social myth, social myth-making, social mythologization, mythologeme.*

Поступила: 21.11.2016
Received: 21 November 2016

For citation: Devnina G.S. Role of Social Myth in Russia's Internal Political Crises: A Social and Philosophical Analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 4, pp. 61–69. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.61